

Секция «Мировая политика»

Постмодерн в современной политике

Шахмурадян Михаил Андреевич

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет
государственного управления, Москва, Россия*

E-mail: darel2008@yandex.ru

Нужно отметить, что в отечественной общественной мысли вопрос использования механизмов постмодерна в политике даже не затрагивается, в то время, как анализ этих скрытых и не осознаваемых механизмов и форм, и их влияние на другие общественные институты, мог бы стать новым методом исследования в политической науке.

Меняется политическая культура и конъюнктура, одна из основных причин – постмодерн. Эта концепция предполагает неоднозначную форму восприятия постиндустриальной действительности, ее научной системы и общественно-экономической структуры, и основывается на оппозиции к модерну, фрагментаризации символа, а также на частичном взаимодействии с симулякрами премодерна [n1]. Для определения степени влияния постмодерна на современную международную политику, нужно выделить определённые подвижные переменные в дефиниции этой концепции:

- фрагментарность символа;
- парадокс глобального и локального;
- многослойная симуляция;
- воспроизведение вместо произведения;
- кризис «великих рассказов» [n2] и смысловой единицы;
- критика (модерн, премодерн) и самокритика.

Данные переменные определяют и развивают постмодерн как концептуальный нарратив. Этот нарратив проявляется в большей мере – в международной политике, в меньшей мере – во внутренней.

Для более конкретного изложения персональной позиции я перейду сразу к объяснению современных политических механизмов и институтов, зарожденных при постмодерне, и «усыновлённых» международным политическим и правовым сектором. Отталкиваясь в своём изложении я буду также от переменных концептуального нарратива, указанного выше. Рассмотрим только некоторые переменные, ввиду ограниченности формата.

Современные механизмы:

1) Глобализационные экономические и политические процессы и локализация конфликтов;

Со времен Бреттон-Вудса экономическое пространство расширяется вместе с капиталом других стран. Причем парадоксальна политика по либерализации цен на рынках Европы в 1948 году, отмеченная еще М.Фуко, ознаменовавшая новый европейский социализм [n3]. Стоит сказать о том, что формирование таких структур как Международный валютный фонд (МВФ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР), а также Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), в целом, не выполнило основополагающую задачу по сохранению относительной экономической

стабильности в западном мире, ведь результатом подобного формирования стала локальная и региональная финансовая нестабильность и несостоятельность (1948-1949 г., 1953-1954 г., 1957-1958 г. и т.д.). Не смотря на то, что более 60 % от мирового валового продукта, в послевоенное время, приходилось на капиталистический блок стран.

Именно с формирования данных международных экономических структур начинается процесс воспроизводства однотипного экономического образца, переросший по Жану Бодрийяру в машинерию, которая производит труд не для человека, а для себя [п4]. Вместе с единым экономическим пространством распространяется и единое политическое (ООН, НАТО), но современные условия неустойчивого монополярного мира легализуют региональных политических акторов (БРИКС, Африканский союз, Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, Лига арабских государств и т.д.). Политика – это всегда взаимодействие групп по поводу власти, в данном контексте экономика определяет политику, ведь подобные союзы формируются под предлогом финансового и стратегического решения региональных проблем как минимум, глобальных как максимум [п5]. Данный механизм рассеивает эффект политической глобализации, к которой так стремились после 1945 года, одновременно поддерживая его, он создаёт региональные плацдармы, которые и экономически, и политически влияют на довольно большой сегмент промышленного (КНР) и наукоемкого (Европейский Союз) рынка в мире [п6].

Современные институты:

1) Фрагментарный институт демократии;

Термин «демократия» трактуется одинаково везде как «власть народа». Но в настоящем времени стоит уделить внимание не столько противоречивости форм непосредственной и прямой демократии в разных «демократических» странах, сколько процессу деконструкции (термин Дерриды) этого термина и, в принципе, тезиса о демократии. Демократия как форма воплощения перестает быть творческим и инновационным процессом, переходя в статичные и правовые рамки определённого западного шаблона. На Западе создан и развивается Аппарат демократии, предсказанный Л.Д.Троцким [п7], способный возводить оппозиционные партии и недовольные меньшинства на собственную защиту, а в недавнем времени и на защиту народов мира от собственных правителей. Деконструкция происходит как со стороны радикально настроенных «демократов» Ближнего Востока, так и со стороны Соединенных Штатов, в результате чего формируется фрагментарное, а где-то даже и подверженное фрактальности понятие, ознаменовавшее собою современный миф.

2) Институт информационной симуляции;

НТР второй половины 20 века стала перманентным толчком к современной, информационной, симулятивной модели политического влияния. Психология человека 21 века определяется более не его сознательными, персональными мотиваторами, а бессознательными, неконтролируемыми формами, заложенными в психике. Об этом свидетельствует большое количество новых управленческих теорий, описывающих влияние персонального бессознательного на процесс принятия решения [п8]. Именно на эти формы и воздействуют информационные потоки мировых СМИ, заполняя сознание фрагментами различных новостных событий, по большей части симулятивных и раздутых, создавая гиперреальность, благодаря которой нужда в самом реальном событии уже отпадает, ведь политические цели, по факту, осуществлены. По мнению Фрэнсиса Фукуямы, будущий курс мировой политики будет ориентирован именно на создание

условий для развития запрещенных биотехнологий и определённых плоскостей евгеники, а именно формирования "особого типа" людей, которые сами станут собственной симуляцией [п9].

Литература

1. Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли, М., «Евразийское движение», 2009 – 744с.
2. Жан-Франсуа Лиотар. Состояние постмодерна // Перевод с французского Н. А. Шматко "Институт экспериментальной социологии Москва Издательство "АЛЕТЕЙЯ Санкт-Петербург 1998 ББК 87.4 Л 60
3. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колеж де Франс в 1978-1979 учебном году/ М.Фуко; Пер. с фр. А.В.Дьяков. – СПб.: Наука, 2010. – 448 с.
4. Жан Бодрийяр. Символический обмен и смерть // Перевод С. Н. Зенкипа. – М.: "Добросвет" 2000 – 387 стр.;
5. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов/ А.И.Соловьев. – 2 – е изд., перераб. И доп. – М.:Аспект Пресс, 2012. – 575 с.
6. Год планеты: ежегодник/ Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. Выпуск 2012 г.: экономика, политика, безопасность/ [гл.ред. В.Г.Барановский]. –М.: Идея-Пресс, 2012. 480 с.
7. Троицкий Л. Терроризм и коммунизм. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. – 224 с.
8. Шахмурадян М.А. Принятие управленческих решений в контексте коллективного бессознательного // Политический вектор - М: Комплексные проблемы современной политики. - Челябинск: ЮУрГУ, НОЦ «Комплексные проблемы современной политики», 2013. Номер 2.
9. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции/ Ф.Фукуяма; пер.с англ. М.Б.Левина. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 349, [3] с.

Слова благодарности

Спасибо за прочтение данных мною тезисов, надеюсь на полное изложение материала на конференции.